

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
84/2 (2024), 484–491
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/2 (2024), 484–491
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124020127

D. RAFFERTY. Provincial Allocations in Rome 123–52 BCE. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. 243 p. ISBN: 978-3-515-12119-4

В последнее время немало внимания в историографии уделяется провинциальным командованиям в эпоху Римской республики¹. Одним из примеров этого является монография австралийского ученого Дэвида Рафферти о назначениях наместников в провинции в 123–52 гг.², основанная на его диссертации. В ней описывается система распределения консульских и преторских провинций со времени *lex Sempronia de provinciis consularibus* до *lex Pompeia de provinciis* с особым вниманием к периоду после Суллы как лучше освещенному в источниках. Своей задачей автор считает показать изменения, которые произошли по сравнению с Классической республикой. По его мнению, 123–52 гг. образуют в данном отношении единый период, поскольку Сулла, вопреки распространенной точке зрения, крупных изменений в систему назначения наместников не внес.

В первой главе книги (с. 27–46) рассматривается вопрос о переходе соответствующих магистратов в статус наместников (их автор называет *provincial imperator* или просто *imperator*). Их легитимность основывалась на избрании народом, а также на соблюдении необходимых при отъезде из Города ритуалов: они не только делали магистрата *iustus*, но и превращали его в легитимного командующего. Автор отмечает, что это была именно серия должным образом совершавшихся ритуалов, каждый из которых не являлся обязательным, причем отсутствовал конкретный момент, когда «не-император» становился «императором». Однако в эпоху Поздней республики эти ритуалы все чаще не исполнялись, что являлось одним из примеров политического разлада в те годы. И если в 177 г. консул Гай Клавдий Пульхр, когда приехал в провинцию, не проведя положенных при отбытии (*profectio*) ритуалов, встретил отказ проконсулов при требовании передать ему командование и вынужден был вернуться в Рим для соблюдения процедуры, то в 54 г. Аппий Клавдий Пульхр уехал в Киликию без проведения куриатного закона о своих полномочиях, и это, несмотря на высказывавшиеся сомнения, сошло ему с рук. Казалось бы, налицо «тестовый» случай для

Рецензия подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

¹Vervaeke 2014; Drogula 2015; Morrell 2017.

²Здесь и далее все даты — до н.э.

lex curiata, но данный эпизод им не стал. Ситуации 177 и 54 гг. сильно различались. Аппию никто не смог помешать, авгуры оказались не в состоянии сослаться на авторитетное правило, хотя и успех Аппия прецедента не создал. Случаи 177 и 54 гг. показывают, насколько расплывчатым было государственное право и насколько все зависело от политической ситуации.

Суждения автора, думается, требуют поправок и дополнений. Момент, когда «не-император» становился «императором», не фиксируется в источниках, но это не значит, что у римлян не было конкретного мнения на сей счет — юридически, очевидно, это происходило по пересечении померия, фактически — по принятии командования на месте. Что же касается неисполнения обрядов как признака политического разлада в эпоху Поздней республики, то ничто не мешает предполагать такого неисполнения и в более ранние времена, просто если такие эпизоды не становились поводом для скандала, то они и не упоминались в источниках. Неопределенность в вопросе о том, насколько обязательны были ритуалы при profectio, подтверждается и примером 177 г. — если бы их исполнение являлось таковым, вряд ли Гай Клавдий решился бы пренебречь ими. Следует учесть, что он весьма агрессивно повел себя в провинции по отношению к проконсулам Манлию Вульсону и Юнию Бруту, без чего конфликт, очевидно, и не возник бы. Обращает на себя осведомленность Манлия, Юния и их подчиненных о том, что Клавдий не совершил положенных обрядов — несомненно, их известили об этом спутники Клавдия, среди которых могли находиться и его недоброжелатели. Иными словами, консул оказался скверным политиком, и в результате то, что могло не иметь последствий для других «императоров», для него обернулось конфузом. Что же касается Аппия Клавдия, то он повел себя более осмотрительно и конфликтных ситуаций не создавал, а потому в условиях правовой неопределенности избежал неприятностей.

Во второй главе (с. 47–60) Рафферти отстаивает идею, что к 90-м годам число преторских городских *provinciae* выросло до той точки, когда стало уже почти невозможно хоть кому-то из преторов уехать в провинцию (последние автор именует «вторичными», *secondary provinciae*). Правда, указывает ученый, на это можно возразить, что несколько городских *provinciae* могли передаваться одному и тому же магистрату, однако случаев такого рода известно очень мало. Зато уже до Союзнической войны появляются примеры того, что преторы принимали «вторичные» *provinciae* лишь после городских (первый такой случай — Марий, ставший наместником Дальней Испании после претуры). Всего Рафферти насчитывает до семи таких примеров, тогда как принятие преторами негородской провинции в начале магистратуры встречается в 122–91 гг. крайне редко. «Вторичная» преторская *provincia* являлась важной новацией, но в конституционном отношении мало что изменилось. Провинциальное управление не стало отдельной должностью, оторванной от магистратуры, это случится только в 52 г. с принятием закона Помпея.

В третьей главе (с. 61–72) обсуждается способность сената проявлять гибкость в решении вопросов управления империей в 122–52 гг. Закон Семпрония подразумевал, что консульские провинции должны назначаться заранее, однако отсюда отнюдь не следует, будто сенат лишился возможности реагировать на кризисные

ситуации — при необходимости он мог переназначить наместников или продлить полномочия тем из них, кто, как предполагалось, лучше справляется со своими обязанностями. Однако такие шаги предпринимались, конечно, не только по стратегическим, но и по внутривластным соображениям. Переназначения после выборов были уязвимы для вето, и потому следовало подавать такие меры как направленные на обеспечение интересов государства.

Рафферти сомневается в правильности мнения о том, что закон Семпрония затруднил назначение консулов на любую войну, которая могла начаться неожиданно — с середины II в. это уже было не так важно, Рим воевал теперь меньше, да и войны, как правило, носили менее масштабный характер. Кроме того, крупные конфликты во времена Поздней республики поддавались прогнозированию задолго до их начала.

Автор особо подчеркивает разницу между консульскими и преторскими провинциями. Учитывая, что консулы воспринимались как командующие, именно им могли передать преторскую провинцию в случае обострения военной ситуации. В целом преторские провинции имели более, так сказать, административный характер, и их наместников обычно не отзывали из-за дурного выполнения обязанностей, что случалось с проконсулами (прежде всего из-за неудачного ведения войны). В то же время им могли продлить полномочия, чтобы не дать возможности участвовать в консульских выборах (консулы, понятно, в таких ситуациях не оказывались).

Система назначения наместников, сложившаяся после закона Семпрония, достаточно исправно действовала в течение нескольких десятилетий, но в 50-х годах из-за внутривластной борьбы она стала давать сбои, что, в свою очередь, еще более осложняло положение в государстве.

Четвертая глава монографии (с. 73–86) посвящена процедуре жеребьевки (*sortitio*). Как следует из Цицерона, это был обычный способ распределения провинций. Если преторы всегда получали провинции по жребию, то консулам их могли дать по договоренности (*parare, comparare*) или раздавали поименно решением сената или народа (*nominatim* или *sine sorte*). Подобно заседаниям сената, *sortitio* должна была проводиться в *templum* и после ауспикации, т.е. все это относилось к юрисдикции авгуров, даже если процедура не являлась напрямую их делом. Вряд ли проводивший *sortitio* должен был обладать правом ауспий *optima lege*. Из сообщений Цицерона можно сделать вывод, что *sortitio* была методом по умолчанию для распределения консульских провинций. Источники не объясняют разницы между процедурой распределения провинций консулам и преторам, но, очевидно, по поводу предоставления их двум консулам было договориться проще, чем шести, а потом и восьми преторам. Кроме того, в отличие от консульской, жеребьевка для преторов была довольно сложной, им приходилось проходить ее дважды (сначала для распределения городских *provinciae*, а затем наместничеств), прежде всего из-за развития системы *quaestio* и необходимости для преторов принимать вторичные *provinciae*. Дополнительные сложности создавало и несовпадение между числом носителей империя и провинций. В то же время процесс несколько облегчало то, что все преторы уже, по-видимому, в 90-х годах до истечения срока магистратуры оставались в Риме.

В пятой главе (с. 87–100), исследуются различные вопросы, связанные с *ornatio*, или *ornatio provinciae* – выделением войск и денег наместнику провинции (сам термин *ornatio*, как отмечает автор, довольно редко встречается в источниках). Судя по Ливию, в эпоху Средней республики это обычно происходило в начале года, как правило, после решения о распределении провинций. Во времена Поздней республики ситуация изменилась: консульские провинции распределялись теперь еще до выборов, *ornatio* происходила, естественно, позже (для десигнатов, как следует из Цицерона, она не проводилась), причем из-за политического вмешательства (см. ниже) могла иметь место дополнительная задержка; отдельно от консульских проводилась теперь и *ornatio* преторских провинций. Разрыв во времени при принятии этих решений с точки зрения грамотного осуществления внешней политики вел к ухудшению ее уровня, и закон 52 г. мог быть помимо прочего реакцией на такой подход.

При продлении полномочий проконсулам обычно издавалось постановление *de ornandis provinciis*. Рафферти анализирует в связи с этим письмо Помпея сенату из «Истории» Саллюстия (II. 98M), которое, по мнению ученого, содержит несколько ключевых моментов, позволяющих лучше понять характер помощи командующим из Италии. Из него, полагает автор, следует, что армиям в Испании требовалась помощь не только деньгами и людьми, но и провиантом. Выделенных Помпею денег хватило на год, но больше ему не присылали, хотя провинцию дали на три года. Отсюда следует, что деньги должны присылать каждый год. И хотя письмо Помпея зачитали уже в начале 75 г., на его требования не отвечали как минимум до второй половины года (с. 92).

Не со всеми этими выводами можно согласиться. Утверждение, что Помпей получил провинцию на три года (также см. с. 77), основывается на недоразумении. Рафферти, не перепроверив текст подлинника, принимает точку зрения Ф. Вервата, который читает текст Саллюстия (*Hist.* II. 98. 2M) как *in triennium*³, тогда как в подлиннике говорится *per triennium*, т.е. что денег, которые сенат присылал в течение трех лет, хватило лишь на год (*a vobis per triennium vix annuus sumptus datus est*). Столь же неверно и мнение (также восходящее к Вервату), будто письмо Помпей отправил уже в начале 75 г. – тогда он не имел оснований писать о *triennium*.

Ornatio являлась важным политическим орудием, и трибуны, пытаясь добиться уступок от консулов, не раз налагали вето на касавшуюся их *ornatio*. О подобных случаях с преторами известно немного. Размышляя о возможных причинах этого, Рафферти, думается, упускает из виду такое очевидное объяснение, как весьма скромное внимание, которое античные авторы уделяют деятельности преторов. Также стоило бы уточнить, что от преторов в силу особенностей их полномочий вряд ли можно было добиться столь важных уступок, как от консулов. В то же время вполне резонно замечание, что закон Помпея 52 г. о провинциях позволял устранить опасность вето со стороны трибунов, коль скоро наместники должны были теперь отправляться в провинцию лишь через пять лет после своей магистратуры.

³См. Vervaeet 2009, 421, 422, 431.

Тема шестой главы – отъезд и передача командования (*traditio imperii*) прежнего наместника его преемнику (с. 101–121). Как следует из Ливия, консулам вскоре после их вступления в должность назначали провинции, затем они председательствовали на Латинских играх, после чего могли ехать в провинцию. Но применительно к концу Республики таких случаев не наблюдается. Совсем немногие консулы покидали Рим в начале срока. Обычно это вызывалось чрезвычайной ситуацией. Т. Моммзен считал, что такое положение стало результатом закона Суллы, разделившего консульство и проконсульство, из-за чего консулы не могли покинуть Рим до истечения срока, однако Дж. Балсдон и А. Джованнини убедительно опровергли эту точку зрения. Обычно консулы покидали Рим примерно в ноябре, хотя ничто не мешало им сделать это уже весной. Наряду с уже предлагавшимися объяснениями (необходимость быть поближе к Городу на случай беспорядков, все большее вовлечение консулов в дела законодательства и др.) Рафферти видит причины этого в задержках с *ognatio provinciae*, в необходимости проведения консульских выборов, но главное – в общем политическом разладе и обусловленных им интригах. Что же касается преторов, то их задержки с отъездом зачастую обуславливались сложностями процедур по распределению провинций. Впрочем, сенат не рассматривал эти отсрочки как какой-то сбой.

Обсуждая вопрос о *traditio imperii*, автор возражает А. Джованнини, который считал, что власть консула над вверенной ему провинцией во времена Поздней республики начиналась со вступления в должность. Как полагает Рафферти, «магистраты обычно не имели права вмешиваться в [дела] провинций, даже тех, которые были назначены им, прежде чем прибывали туда лично для принятия контроля» над таковыми (с. 121). Наглядное подтверждение «физического» характера *traditio imperii* – встреча Лукулла и Помпея в 66 г., столь ярко описанная у Плутарха (*Помп.* 31. 3–6). Впрочем, такой порядок начал давать сбои в 50-х годах – Помпей, как известно, управлял испанскими провинциями через легатов.

В седьмой главе (с. 122–132) анализируются различные вопросы, связанные с отказом от провинциального командования, прежде всего – его причины, особенно если учесть, что наместничество, как считается, открывало возможности для славы и богатства. Однако «наши представления о римском нобилитете как занятом [преимущественно] войной и стремлением к личной славе требуют поправок. *SPQR* по-прежнему нуждался в магистратах для службы в провинциях, но новейшие исследования показали, что те, кто отказывался [следовать] чувству долга, в политическом отношении поступали правильнее, чем, те кто на него откликался. Для многих оставаться в Риме было куда удобнее» (с. 132). Помимо простого желания наслаждаться комфортом на загородных виллах, а не обременять себя обязанностями наместника, имелись и причины политического характера. Наместничество было чревато опасностью суда за вымогательство. Репутация хорошего правителя провинции немного давала преториям на консульских выборах – избирателей заслуги в этой сфере мало интересовали, а претории, отказывавшиеся от провинций, в итоге имели больше шансов стать консулами благодаря активному участию в политической игре, которую они могли вести, оставаясь в Риме. Последняя привлекала и многих консуляров, ярчайшим примером чего является Цицерон. Наконец, отказ от провинции не всегда был

добровольным. Любопытно, что источники сообщают о подобных отказах либо позитивно, либо нейтрально, хотя формально речь шла о нежелании магистратов выполнять свои обязанности. Однако в действительности это не удивляет, поскольку такой отказ нередко преподносился как проявление добродетели — Цицерон говорил о стремлении принести больше пользы государству, оставаясь при этом в Городе; Помпей таким образом прозрачно намекал, будто он, дважды триумфатор, более уже ничего не добивается; Лукцей декларировал свое нежелание оказаться причастным к разного рода махинациям, с которыми было связано управление провинцией. При этом Помпей и Цицерон дали понять, что не собираются принимать провинции, видимо, еще до *sortitio*. О процедуре отказа от провинции известно очень мало, но, как полагает автор, вопрос разрешался простым заявлением магистратов сенату и народу о нежелании принять управление провинцией.

Заключительная, восьмая глава посвящена *lex Pompeia de provinciis* (с. 133—153). Этот закон, пришедший на смену *lex Sempronia de provinciis consularibus*, полностью изменял систему провинциального управления, правда, не в смысле регулирования административной практики внутри самих провинций, а с точки зрения системы их распределения. В отличие от закона Семпрония он касался не только консулов, но и преторов. Последние, становясь наместниками, отныне получали исключительно *praetorium imperium*. Причины этого, как полагает Рафферти, крылись в стремлении предотвратить конфликт наместника с другими «императорами» (однако механизм предотвращения конфликтов с помощью такой меры, заметим, не вполне понятен) и усилить статусное различие между носителями империя. «Движение в сторону “стандартизированного” *praetorium imperium* могло быть способом утверждения превосходства носителей консульского империя (*consular imperatores*) над простыми обладателями преторского империя (*praetorian imperatores*)» (с. 137). Что же касается консулов, то, формально не теряя права командовать армиями и вести военные кампании, на практике они лишались такой возможности в условиях достаточного числа наместников из бывших преторов. В литературе не раз указывалось на сходство закона Помпея и августовской системы, при которой консулы лишились военного командования, но мнение, будто одно в ходе плавной эволюции вело к другому, как полагает Рафферти, неверно. В этот процесс властно вмешались гражданские войны, два десятилетия которых изменили взгляды римлян на их политическую систему и создали немало специфических прецедентов. Творцы закона, похоже, стремились превратить наместничество, своего рода приложение к должности претора или консула, в самостоятельную магистратуру. При этом сложность ситуации середины I в., как полагает автор, состояла не в дурном управлении империей. Скорее угрозу Республике создавали провинции и опасности, с ними связанные. Попытка отделить магистратуру от промагистратуры была попыткой Республики защититься от себя самой. Но началась гражданская война, и закон Помпея, несмотря на всю свою продуманность, не смог предотвратить падения Республики.

Завершают книгу пять приложений. В первом (с. 155—209) рассматриваются назначения наместников (независимо от того, приняли ли они провинции) в 122—91 и 81—52 гг., период Союзнической и гражданской войн по понятным

причинам не учитываются. Несмотря на дискуссионность некоторых моментов, ценность этой подборки очевидна. Во втором приложении (с. 210–213) Рафферти обосновывает и без того распространенную точку зрения, что Кв. Муций Сцевола отказался от провинции во время консулата, а не претуры, что, однако, вызывает сомнения, поскольку вряд ли консуляр П. Рутилий Руф в мирных условиях стал бы легатом пропретора⁴. В третьем приложении (с. 214–216) обсуждается провинциальный статус Крита и Кирены, которые, по мнению автора, до 52 г. не являлись территориальными *provinciae*. В четвертом (с. 217–219) излагаются соображения историографического характера по поводу греческой надписи из Кносса, содержащей перевод *lex de provinciis praetoriis*. В последнем, пятом приложении (с. 220–221) Рафферти высказывает замечания по поводу отношения Цезаря к закону Помпея 52 г. в *BC. I. 6*, указывая на его явную враждебность к нему.

Книга Рафферти — масштабное полотно, представляющее во многом новую картину эволюции назначения наместников от начала II в. до 50-х годов I в. до н.э. Его главный тезис об отсутствии масштабной реформы назначения наместников при Сулле звучит вполне убедительно, равно как и оценка *lex Pompeia de provinciis*. Заслуживает внимания и решение многих частных вопросов, а приложение о назначении наместников, несомненно, станет настольным пособием для всех, кто касается этого весьма часто затрагиваемого вопроса. Но кое-что, думается, требует поправок и/или уточнений. К приводившимся выше можно добавить и некоторые другие. Так, на с. 65 отмечается, будто консулы 78 г. Марк Эмилий Лепид и Квинт Лутаций Катул давали понять, что не прочь использовать друг против друга армии, данные им для борьбы с повстанцами в Этрурии. Непонятно, однако, почему же тогда сенат продлил обоим полномочия на 77 г. и, что самое главное, оставил им командование. На с. 66 указывается: «То, что Серторий воспринимался как проблема, показала отправка Метелла Пия с консульской армией в 80 г. Поражения Домиция Кальвина и [Луция] Манлия в 79 и 78 гг. показали, что Метелл [Пий] не в состоянии в одиночку справиться с ситуацией». Между тем вполне вероятно, что Метелл Пий отправился в Дальнюю Испанию уже в качестве проконсула в 79 г. (в контексте изысканий Рафферти поправка немаловажная)⁵. И справляться с ситуацией Метелл должен был лишь в собственной провинции, тогда как Домиций Кальвин являлся наместником Ближней Испании. На с. 126 высказывается мнение, будто Асконий (14–15С) видел в отказе Сцеволы от консульской провинции презрение последнего к мелочной погоне за триумфом его коллеги Красса и это стало чуть ли не первым случаем воспрепятствования стремлению обрести славу с помощью завоеваний. Однако Асконий не пишет именно о консульской провинции,

⁴ По мнению Ж. Феррари, согласие Рутилия Руфа стать легатом Сцеволы-претория могло обуславливаться их *amicitia* и желанием первого помочь второму в его благородных планах явить достойный образец управления провинцией (Ferrary 2012, 167). Однако источниками это не подтверждается, да и случаев, когда консуляр был бы в Азии легатом наместника-претория (пусть и проконсула) в мирное время, ученый не приводит. К тому же требует объяснения, почему консуляра Рутилия привлекли к суду, тогда как преторий Сцевола (человек, к слову сказать, не столь знатный, как, например, Метеллы или Пизоны) этой участи избежал. Отметим, что статью Феррари Рафферти не использует.

⁵ Schulten 1926, 62–63; Spann 1987, 65.

и уж тем более текст источника не дает оснований видеть в отказе от нее противодействие Сцеволы неумемной *cupido gloriae*.

Но такого рода спорные пассажи можно найти практически в любой монографии. В целом же книга Дэвида Рафферти являет собой вполне добротное исследование, которое, несомненно, станет *reference book* для специалистов по политической истории Рима и его институтам II – середины I в. до н.э.

Литература / References

- Drogula, F.K. 2015: *Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire*. Chapel Hill.
- Ferrary, J.-L. 2012: Quelques remarques à propos de Q. Mucius Scaevola (cos. 95 av. J.-C.), et en particulier de la date de son gouvernement en Asie. *Athenaeum* 100/1–2, 157–180.
- Morrell, K. 2017: *Pompey, Cato, and the Governance of the Roman Empire*. Oxford–New York.
- Schulten, A. 1926: *Sertorius*. Leipzig.
- Spann, Ph.O. 1987: *Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla*. Fayetteville.
- Vervaet, F.J. 2009: Pompeius' Career from 79 to 70 BCE: Constitutional, Political and Historical Considerations. *Klio* 91/2, 406–434.
- Vervaet, F.J. 2014: *The High Command in the Roman Republic. The Principle of the summum imperium auspiciumque from 509 to 19 BCE*. Stuttgart.

Anton V. Korolenkov,

State Academic University
for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: sallust@list.ru
ORCID: 0000-0002-3628-2754

A.V. Короленков,

к. и. н., доцент
Государственного академического
университета гуманитарных наук
Москва, Россия

Acknowledgements: State Academic University for the Humanities, project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, theme FZNF-2023-0003 «Traditions and values of the society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history», no. 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).